

© 2023. В. М. Гуминский
Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук
г. Москва, Россия

Из воспоминаний о П. В. Палиевском

Аннотация: Воспоминания автора о встречах с П. В. Палиевским служат в статье материалом для размышлений о своеобразии личности выдающегося российско-го ученого и его уникальном месте в научной и общественной жизни СССР (России) XX – начала XXI вв. В статье засвидетельствованы многочисленные эпизоды, связанные с работой на филологическом факультете МГУ рубежа 1960–1970-х гг. ставшего легендарным семинара Палиевского, отражены с точки зрения неравнодушного очевидца выступления ученого и мыслителя во время публичной дискуссии 1977 г. в Центральном доме литераторов и на Международном съезде славистов 2003 г. в Любляне (Словения). Автор отмечает, что научная мысль Палиевского и его своеобразная идеология опирались на русскую классическую литературу и историческую жизнь русского народа, прослеживает, как в условиях «слома времен» Палиевский неизменно выступал защитником многовековых национальных ценностей и смыслов.

Ключевые слова: П. В. Палиевский, А. С. Пушкин, филологический факультет, Московский государственный университет, Отдел теории литературы, аксиология, историческая жизнь, русский народ

Информация об авторе: Виктор Мирославович Гуминский, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

E-mail: gumins@rinet.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 18.03.2023

Дата одобрения статьи рецензентами: 26.04.2023

Дата публикации статьи: 25.06.2023

Для цитирования: Гуминский В. М. Из воспоминаний о П. В. Палиевском // Два века русской классики. 2023. Т. 5, № 2. С. 156–167.
<https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-2-156-167>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 5, no. 2, 2023, pp. 156–167. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 5, no. 2, 2023, pp. 156–167. ISSN 2686-7494

In Memoriam

© 2023. Viktor M. Guminskiy

A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences Moscow, Russia

From the Memoirs about P. V. Palievskiy

Abstract: The author's memoirs about meetings with P. V. Palievskiy serve in the article as a material for reflection on the originality of the personality of an outstanding Russian scholar and his unique place in the scientific and social life of the USSR (Russia) of the 20th – early 21st centuries. The article testifies to numerous episodes related to work at the Faculty of Philology of Moscow State University at the turn of the 1960s–1970s of the legendary seminar of Palievskiy and reflects from the point of view of a not indifferent eyewitness of the speeches of the scientist and thinker during the public discussion in 1977 in the Central House of Writers and at the International Congress of Slavists in 2003 in Ljubljana (Slovenia). The author notes that Palievskiy's thought and his peculiar ideology were based on Russian classical literature and the historical life of the Russian people, and traces how, in the conditions of the “break of times,” Palievskiy invariably acted as a defender of centuries-old national values and meanings.

Keywords: P. V. Palievskiy, A. S. Pushkin, Faculty of Philology, Moscow State University, Department of Literary Theory, axiology, historical life, Russian people.

Information about the author: Viktor M. Guminskiy, DSc in Philology, Director of Research, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

E-mail: gumins@rinet.ru

Received: March 18, 2023

Approved after reviewing: April 26, 2023

Published: June 25, 2023

For citation: Guminskiy, V. M. “From the Memoirs about P. V. Palievskiy.” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 5, no. 2, 2023, pp. 156–167. (In Russ.)
<https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-2-156-167>

Эти воспоминания о Петре Васильевиче Палиевском мне хотелось бы предварить своего рода эпиграфом, точнее, рассказом о сценке, свидетелем которой я невзначай стал в уже далеком прошлом.

Представьте себе некую площадку (точно я уже не помню): то ли Центральный дом литераторов, то ли какое-то другое место, где собирались писатели. И вдруг из этой человеческой круговерти выделилась группа представителей так называемого «национально-государственного» направления и ринулась к Петру Васильевичу, мирно с кем-то беседовавшему в отдалении. Кто-то из них довольно бесцеремонно, но с подкупающей искренностью спросил: «Петр Васильевич! Почему Вы так мало пишете?» Надо заметить, что среди вопрошавших присутствовали и достаточно известные в литературном мире персоны, авторы нескольких книжек, полагавшие именно такой критерий главным в своем деле. Петр Васильевич, ни на секунду не задумавшись и только блеснув глазами, ответил: «Зато я за вас думаю!». Вот, собственно, от этого я и хотел бы отталкиваться в своем повествовании.

Я познакомился с Петром Васильевичем, кажется, в 1970 г., когда пришел в его семинар «Серебряный век в русской литературе» (возможно, название неточное) на филологическом факультете МГУ. Популярность этого семинара (из-за новой для филфака проблематики, но и главное, конечно, из-за фигуры руководителя) была невероятной, и попасть туда было невозможно. Я оказался в семинаре, не скрою, «по благу». В то время я уже подвизался в Толстовском музее, а среди его сотрудников была благоволившая ко мне жена одного из тогдашних писательских начальников. Я осмелился просить о протекции, которая и была мне, судя по всему, оказана. Петр Васильевич принял меня в семинар.

К тому времени он был уже фигурой вполне легендарной (и не только в нашей среде). Известными были и тогдашние его друзья и коллеги: три других выпускника филфака МГУ, в конце 1950-х гг., кажется,

все вместе приглашенные на работу в Институт мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР. Это Георгий (которого по непонятным причинам все звали Геней) Дмитриевич Гачев — его книга (1964) об ускоренном развитии литературы (на материале литературы Болгарии) стала своеобразным литературоведческим бестселлером, и почиталась прорывом в сферы, до той поры науке недоступные. Сергей Георгиевич Бочаров считался непревзойденным мастером конкретного литературоведческого анализа, а его книга о «Воине и мире» (неоднократно переиздававшаяся с 1963 г.) была признана в этом смысле образцовым трудом. Но, конечно, самым популярным был Вадим Валерьянович Кожин. Мне не так давно пришлось о нем писать (в соавторстве с теперь уже ушедшим от нас С. А. Небольсиным) в библиографический словарь «Русские литературоведы XX века» (2017), и я в очередной раз изумился многогранности его дарований. Теоретик и историк литературы, эстетик, критик, публицист, безудержный полемист, создатель и разрушитель литературных и научных репутаций, певец (под гитару) романсов и народных песен, обладатель неистового темперамента, которого не без оснований (по аналогии со славянофилом К. С. Аксаковым) называли передовым бойцом патриотического направления в литературе.

Однажды состоявшееся появление Кожина на семинаре Палиевского ознаменовалось дискуссионным взрывом. Кожин принес с собой малоизвестную, но ставшую впоследствии знаменитой фотографию Альберта Эйнштейна с высунутым языком. О чем только мы в связи с ней не спорили: о теории относительности и о Пуанкаре, об относительности и абсолюте и т. п. Сейчас уже не вспомнить, но каким-то образом в центре обсуждения оказались В. В. Розанов и М. М. Бахтин. Розанова (замечу в скобках — одного из любимых мыслителей Петра Васильевича) оставляю в стороне, речь о Бахтине. Именно в это время усилия Кожина, Бочарова и др. по возвращению ученого в официальную науку и к читателю увенчались первыми успехами: в 1963 г. была издана переработанная книга Бахтина о Достоевском, в 1965 г. — монография о Франсуа Рабле в престижном издательстве «Художественная литература». Увлеченно рассказывая о Бахтине, Кожин заявил, что уже трижды перечитал его Достоевского. Помню, что в горячке спора я в ответ дерзко заметил: «Наверное, стоило бы перечитать самого Достоевского». И, конечно, был не прав: Кожин в это время работал

над книгой о «Преступлении и наказании» (1971) и, разумеется, перечитывал классика не единожды.

Петр Васильевич приглашал на наши семинарские занятия и других замечательных современников. Мы тогда зачитывались «Плотницкими рассказами» (1968) Василия Ивановича Белова и гадали об авторе, представляя его в виде чуть ли не былинного богатыря. Петр Васильевич как-то предупредил, что Белов обещал прийти на семинар. Мы с нетерпением ждали. Каково же было удивление, когда на пороге огромной аудитории на первом этаже старого, величественного, казакско-жилярдиевского здания МГУ на Моховой (за памятником М. В. Ломоносову) появилась небольшая фигурка застенчивого человека в бородке, и, осмотревшись, крикнула, и воскликнула: «Вот теперь я понимаю, что такое храм науки!»

Как-то заглянул к нам на семинар и руководитель другого популярного на филфаке семинара — Владимир Николаевич Турбин. Заглянул и сразу же озадачил вопросом: «Кто ж вы такие будете: формалисты, структуралисты или кто-нибудь еще?»

Мы, конечно, были «кто-нибудь еще», причем очень разные, можно даже сказать, разнонаправленные по своим взглядам, литературным предпочтениям и т. п. Назову только несколько имен, ставших заметными в последующей литературной и научной жизни. Владимир Карлович Кантор, Александр Львович Осповат, Всеволод Иванович Сахаров, Евгения Викторовна Иванова (она, кажется, была старостой семинара), мой сокурсник, поэт, переводчик, библиофил Владимир Иванович Швыряев и, конечно, мой друг Сергей Андреевич Небольсин.

А что же сам Петр Васильевич?

Не могу сказать, чтобы он как-то активно вмешивался в наши споры, старался подавить авторитетом. Порой казалось, что этот стройный, голубоглазый, всегда аккуратный, но не броско одетый блондин является просто одним из семинаристов. Особенно когда он по-мальчишески простосердечно смеялся в ответ на какую-нибудь забавную выходку. Но Петр Васильевич одной иронической улыбкой мог умерить пафосный накал любого выступления. И особенно действенен был его неожиданный, быстрый и внимательный взгляд, адресованный кому-либо, чаще всего собеседнику. Этот умный взгляд запомнил, наверное, каждый, кто с ним встречался. Но это не было проявлением,

что называется, житейски-проницательного ума, словно взвешивающего человека (в людях Петр Васильевич мог ошибиться), или отвлеченного, абстрактно-надменного ума теоретика-интеллектуала, хотя интеллектуальный кругозор Петра Васильевича поражал, а от теоретических обобщений захватывало дух. Петр Васильевич «любопытствовал миру», как о нем сказали бы в старину. Его интересовало все и всё: люди, природа, политические, экономические, спортивные новости... Так, мне памятно его восхищение крымскими ландшафтами (во время поездок туда на конференции), в которых словно навечно отпечаталась древняя история полуострова. И, обозревая красочную панораму и рассуждая о роли Крыма в судьбе России, он неумоимо и легко преодолевал каменистые горные тропы, демонстрируя сноровку опытного «пешеходца». В отличие от меня, понуро плетущегося позади и умоляющего о передышке. Или взять футбол! После каждого международного турнира мы (Петр Васильевич, Сергей Андреевич Небольсин и я) нередко созванивались и обсуждали прошедшие матчи. Преимущественно с точки зрения представленных в командах характерных национальных типов. Помню, что мы сошлись в высокой оценке игры Луиша Фигу, необычной фигуры на европейских и мировых футбольных полях, человека с внешностью и повадками португальского крестьянина, пастуха, что проявлялось в самобытной технике и необычном ударе. Именно подобные наблюдения и давали разнообразную пищу уму Петра Васильевича.

Он был, прежде всего, мыслитель, и одно время считался даже кем-то вроде идеолога. Его идеология опиралась на русскую классическую литературу и историческую жизнь русского народа. Например, по ходу семинара как-то сразу и само собой стало понятно, что «серебряный век» не самоценен, не должен рассматриваться сам по себе, а только в сравнении с эпохой классической русской литературы.

Однажды Петр Васильевич продемонстрировал это, что называется, наглядно. На семинарское занятие он принес огромный рулон ватмана, развернул его с помощью кого-то из студентов, и мы оторопели в недоумении. На бумаге изображалось нечто из области, скорее, научно-технической, но не гуманитарной, как поначалу показалось, мысли: чертеж не чертеж, схема не схема, диаграмма не диаграмма. Длинные узкие (разной толщины — «вес» писателя) разноцветные (красный — революционность; голубой, синий — романтичность, «небесность»

и т. д.) линии-ленточки (каждая носила определенное имя) с кружочками на них (в каждом был проставлен номер, обозначающий то или иное «событие литературы»: список произведений прилагался) бежали и разбегались, уносились ввысь и клонились долу, образуя какие-то клубки, скопления и прочие хитросплетения. Эта фантазмагорическая картина была замкнута с двух сторон сетью координат: по левому краю вертикальной прямой, на которой обозначались этапы-уровни возвышения («национальные ценности» и т. д.), а внизу, пересекаясь с вертикалью, шла длинная горизонтальная «хронологическая» прямая линия с пояснениями («реформа», «революция» и др.) и названием «историческая действительность».

Впоследствии, когда сей плод размышлений Петра Васильевича под именем «Движение русской литературы XIX – начала XX века» был впервые предан журнальному тиснению («Литературная учеба», 1988, № 5), профессиональный художник-дизайнер, можно сказать, усугубил организованность изображения, убрав некоторую прихотливую неустойчивость, вертлявость «писательских» ленточек. Картина стала строже, геометричнее, но потеряла в вольной художественности «рисунка» (на этом термине настаивал сам Петр Васильевич). Мы же, семинаристы, сразу принялись обсуждать «справедливость» графически выставленных «оценок» русской литературе, исходя из собственных пристрастий.

В то время (да и не только тогда) было как-то не принято (считалось ненаучным) сравнивать между собой, скажем, «Войну и мир» и «Преступление и наказание» или, тем более, деятельность критика и мыслителя И. В. Киреевского с творчеством Н. В. Гоголя. А тут они сравнивались, причем критерий был одинаковым для всех: «национальные ценности», «художественные ценности мирового значения» и т. д., вплоть до «вечных ценностей». Место писателя на «аксиологической» вертикали вызывало и продолжает вызывать (у самых разных читателей, в том числе и у нескольких поколений теперь уже моих студентов) самые бурные споры. Но они не могут заслонить главного: всеохватывающего, панорамного взгляда, выявляющего общий смысл движения, взаимосвязанность целого, его генеральное направление, ориентацию. Разъяснению всего этого Петр Васильевич посвятил интервью, которое дал мне (тогда сотруднику «Литературной учебы») и которое сопровождало первую журнальную публикацию «Движе-

ния...» (были и последующие). Тут он привел и карамзинские слова, имеющие прямое отношение к упомянутым спорам: «Историк может ошибиться в распределении мест, но должен всему указать свое место». В интервью Петр Васильевич сослался и на графический прообраз своей «картины» — знаменитый рисунок Льва Толстого («возрождение в народности»), представляющий очерк развития русской литературы: линия, идущая вниз от Пушкина и потом сквозь «изучение народа» снова взлетающая вверх.

Пушкин на рисунке Петра Васильевича тоже вознесен на абсолютную высоту: его творческий путь изображался неуклонно поднимающейся вверх золотистой линией-лентой, венчавшейся условным изображением солнца, лучи которого освещали все полотно «движения русской литературы» в его прошлом и будущем. «Солнце русской поэзии» (В. Ф. Одоевский) занимало единственное подобающее ему место в космической сфере «вечных ценностей»: они действуют всегда, по определению Палиевского, на всем протяжении человеческой истории. Тут главное состояло в том, что Пушкин оказывался не позади, в музейно-археологическом прошлом, а всегда впереди, в будущем. Петр Васильевич сформулировал проблему еще в 1979 г. (книга «Литература и теория»): «Пушкин как человеческая задача русской литературы» (эта формула, к сожалению, как-то утратилась при переработках книги). основополагающая мысль, идущая от Гоголя и Достоевского, и реализуется в развитии русской литературы, которая «разрастается не только от Пушкина, но и к Пушкину» [Палиевский: 34].

Вместе с Пушкиным и вся русская классика с ее идеалом духовного, внутреннего устройства «лучшего русского человека» и человеческой жизни в целом оказывалась в будущем, и уже оттуда словно всматривалась в деяния всякого рода интерпретаторов (театральных и прочих режиссеров, музыковедов, литературоведов и пр.). Этой теме было посвящено выступление Петра Васильевича на знаменитой дискуссии 1977 г. «Классика и мы» в Центральном доме литератора. Я не буду подробно на нем останавливаться. Скажу только, что Петр Васильевич продемонстрировал, как бойкие интерпретаторы классических произведений, в сущности, стремились уничтожить идеал, который несла в себе классика. Причем это делалось во имя «современного подхода» к устаревшему наследию и явно преследовало собственные цели. Несоразмерность масштабов того и другого

явления не вызывала сомнений. Петр Васильевич подкрепил свое мнение конкретными историческими примерами, противопоставив 1920-е гг. в советской литературе, за которыми настойчиво стремились утвердить репутацию эпохи свободы и высших литературных достижений, 1930-м и 1940-м гг. Именно тогда, по мысли Петра Васильевича, в связи с пушкинским юбилеем была на государственном уровне предпринята попытка сблизить высокую, дворянскую культуру с народной жизнью. Расширились школьные программы по литературе, преимущественно за счет классических произведений Пушкина, Гоголя, Льва Толстого и др. Театральные сезоны Большого театра начали открываться постановкой «Ивана Сусанина» Михаила Глинки — первой русской классической оперы. Из всех радиоприемников стала звучать русская классическая музыка. И встречное движение со стороны глубинных основ народной культуры не заставило себя ждать. Отсюда — появление «Тихого Дона» и других произведений вплоть до «деревенской прозы» и «тихой лирики». Закончил доклад Петр Васильевич, кажется, напоминанием об одной сценке из комедии Василия Макаровича Шукшина «До третьих петухов» (привожу ее в вольном пересказе).

Старинный православный монастырь, из которого монахи изгнаны чертями. Чернецы собрались тесным кружком и обсуждают, как им теперь быть. Тут является «изящный черт» с предложением «халтуры», на которой можно хорошо заработать. «В монастыре, — заявил черт, — есть множество портретов. Их нужно переписать. Вам же все равно нечего делать». «Какие портреты, как переписать?». «Да это же иконы», — догадался один из монахов. «А кем же ты хочешь заменить святые лики?». «Да нами!» — уверенно бросил черт. «Бей его!» — воскликнул молодой монах, и все бросились на нечистого. Но тот отступил за пики своей чертовской свиты и оттуда провозгласил: «Какие же вы все-таки охламоны, быдло! Не хотите идти в ногу со временем, отказываетесь от выгодного предложения. Все равно погибнете с голоду!» [Классика: 25–26].

Стоит ли говорить о реакции немалой части собравшейся в большом зале Центрального дома литератора публики; ее бурное негодование, казалось, выплеснется через край. Оно и выплеснулось, судя по последующим публикациям в советской партийной и зарубежной печати, проявившим редкое единодушие.

И еще одно воспоминание, свидетельствующее о масштабности мысли Петра Васильевича, никогда не замыкавшегося только на русской литературе. 2003 г., XIII Международный съезд славистов в Любляне (Словения). Начало доклада П. В. Палиевского «Пушкин в движении европейского сознания»: «Если расположить на карте Европы национальных гениев ее литератур и проставить даты их жизни, получится картина странного движения. Оно опоясывает границы континента каким-то прерывистым ходом по часовой стрелке...». Далее следуют примеры: Гомер, Гесиод (Греция), Вергилий и Гораций, а потом Данте (Рим) и т. д. Пушкин является здесь последним. «Он как бы замыкает движение, возвращает его к классической Греции... На нем европейское духовное пространство выходит на свой крайний восточный предел, заканчивает формирование». Затем докладчик обращается к конкретным наблюдениям и определениям. Они, как всегда у Петра Васильевича, неожиданны, парадоксальны, но подтверждаются историческими фактами. Это «темные и бродячие племена» Запада (с точки зрения византийцев); Европа, собственно, кончается за Рейном (по мнению французов); в нее никак не следует включать «островитян» (так думали сами англичане); славяне — варвары (считали немцы) и, наконец, русские: они «настолько же ниже немцев, насколько немцы ниже нас» (американский президент Т. Рузвельт в письме английскому дипломату С. Райсу). «Великие поэты эти представления преодолели», — утверждает Палиевский. И добавляет о Пушкине и о том, что «европейское сознание разворачивалось в нем в общение с чем-то явно не европейским», о непонимании Пушкина европейцами и о понимании Пушкиным отличий Европы от России, история которой требует «другой мысли, другой формулы» и т. д. И тут же об аристократизме Шекспира (образы Калибана и Просперо в «Буре») и принципиальном демократизме Пушкина, о Флобере, Тургеневе, Бернарде Шоу, Шолохове и о многом другом: об отчаянии Шекспира (по Достоевскому) и радостном, веселом Пушкине (по Блоку), о поднимающемся в литературе русском сознании и о развивающейся жизни [Литература: 119–127].

Реакция аудитории (весьма квалифицированной) на доклад была примечательной. Сначала настороженная тишина, а затем взрыв эмоций: каждый говорил о себе и о своем (не только о литературе), никто никого не слушал, а ведущему пришлось уговаривать научное собра-

ние утихомириться. На этом можно было бы и закончить, если бы не курьезный, но и символический эпизод из той же поездки.

Русская делегация возвращается на Родину и проходит в аэропорту Люблины багажный контроль: некий аппарат высвечивает внутренности наших сумок и чемоданов — ручной клади. Кто бывал в этом маленьком аэропорту, тот, наверное, запомнил его провинциальную, почти домашнюю атмосферу: тишина, покой, общее благодушие. И вдруг вопль сирены, грохот падающих металлических жалюзи, топот ног людей в черных масках и с автоматами. Всех немногочисленных пассажиров укладывают лицом в пол, и те замирают в ужасе. Что случилось? Выясняется, что причиной тревоги было изображенное на экране дисплея содержимое сумки доктора филологических наук П. В. Палиевского. Среди прочего на экране представлен силуэт какого-то большого сосуда с торчащей из него штуковиной с проводом и вилкой. Бомба!!! Перепуганным словенцам пришлось объяснять и демонстрировать литровую эмалированную кружку с кипятильником, без которых (правда, не таких размеров) ни один опытный командированный из СССР (России) не отправлялся в путешествие. Ведь чай, причем не купленный за драгоценную валюту, — дело святое. Недоумение благополучно разрешилось. А я не преминул заметить сконфуженному Петру Васильевичу о том, что одну бомбу (литературоведческую) ему все-таки удалось взорвать на съезде, а с другой — все, слава Богу, обошлось.

Список литературы
Исследования

«Классика и мы» — дискуссия на века: сборник / сост. С. С. Куняев. М.: Алгоритм, 2016. 384 с.

Литература, культура и фольклор славянских народов. XIII Международный съезд славистов / отв. ред. Л. И. Сазонова. М.: ИМЛИ РАН, 2002. 438 с.

Палиевский П. В. Литература и теория. М.: Сов. Россия. 1979. 288 с.

References

“Klassika i my” — diskussiia na veka: sbornik [*“Classics and Us” — A Discussion for the Ages: collection*], comp. by S. S. Kunyaev. Moscow, Algoritm Publ., 2016. 384 p. (In Russ.)

Sazonova, L. I., editor. *Literatura, kul'tura i fol'klor slavianskikh narodov. XIII Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov* [*Literature, Culture and Folklore of the Slavic Peoples. XIII International Congress of Slavists*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2002. 438 p. (In Russ.)

Palievskii, P. V. *Literatura i teoriia* [*Literature and Theory*]. Moscow, Sovetskaia Rossiia Publ., 1979. 288 p. (In Russ.)